

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.24>

Цифанова Ирина Владимировна

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИХОТОМИИ "СВОИ - ЧУЖИЕ"

Статья посвящена особенностям обретения идентичности в условиях выбора "свои - чужие", проанализирована содержательная сторона национальной идентичности на различных этапах общественного развития, идеологема "враг" соотнесена с понятием "чужие". В современном многомерном мире активно демонстрируются примитивизация понятия "национальная идентичность" и ее двойственные начала. Результаты анализа могут быть использованы при оценивании идентичности в условиях существования интропты, определении методов воздействия на формирование национальной идентичности, что позволит проследить тенденции обретения идентичности в настоящем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2019/1/24.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 111-115. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Лекторский В. А. О философском значении работ Василия Васильевича Давыдова // Вопросы философии. 2005. № 9. С. 38-44.
7. Огурцов А. П., Платонов В. В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
8. Оклендер В. Окна в мир ребенка. Руководство по детской психотерапии. М.: Класс, 2005. 336 с.

EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE PERSONALITY'S DEVELOPMENT GENESIS

Rezvanova Larisa Anatol'evna, Ph. D. in Law, Associate Professor
Rezvanov Sergei Vladimirovich, Doctor in Philosophy, Professor
Titova Ekaterina Vladimirovna, Ph. D. in Psychology, Associate Professor
Don State Technical University, Rostov-on-Don
LRezvanova1@yandex.ru; Rezvanov.sergey2015@yandex.ru; titova9@yandex.ru

The article deals with the topical issue of the subjective and objective components of the personality's development genesis. The authors analyse the complex metamorphoses of the real and illusory moments of educational process as a resource for the personality's formation and development. The study emphasizes that education is not only training and not mainly training, but socio-cultural significant competencies (or abilities) acquisition by the personality. The research attempts to go beyond the boundaries of the empirical dilemma "personal – impersonal", "student – education system", "teacher – pupil". The article criticizes the empirical conception of the individual as a biological autonomous being. The paper shows the complex dependence of subjective and objective social structures, which are both internal, including the individual, and external, opposing the individual. The authors develop methodologically L. S. Vygotsky and V. V. Davydov's idea about the constitutive influence of "inner circle" on the becoming personality introducing it to the objective cultural forms of social relations.

Key words and phrases: genetic personality; determinism and indeterminism; biological individualism; empiricism; subject; object; education; development.

УДК 101

Дата поступления рукописи: 10.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2019.1.24>

Статья посвящена особенностям обретения идентичности в условиях выбора «свои – чужие», проанализирована содержательная сторона национальной идентичности на различных этапах общественного развития, идеологема «враг» соотнесена с понятием «чужие». В современном многомерном мире активно демонстрируются примитивизация понятия «национальная идентичность» и ее двойственные начала. Результаты анализа могут быть использованы при оценивании идентичности в условиях существования ин-группы, определении методов воздействия на формирование национальной идентичности, что позволит проследить тенденции обретения идентичности в настоящем.

Ключевые слова и фразы: национальная идентичность; идентичность диаспоры; чужой; враг; креолизация; историческое знание.

Цифанова Ирина Владимировна, к.и.н.

Ставропольский государственный педагогический институт
tsifanova@yandex.ru

ОБРЕТЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ДИХОТОМИИ «СВОИ – ЧУЖИЕ»

Постоянные размышления о будущем ведут за собой желание узнать и о прошлом. Каждое движение и само существование человека конкретно относительно его истории существования в будущем. Однако, находясь в конкретной единице измерения, человек совершает постоянные, свойственные только ему действия, направленные не на благо будущего, а для данного себя. Что движет человеком в выборе тех или иных средств, какое место он отводит себе в историческом процессе, какое влияние оказывают исторические, этнические и культурные факторы на обретение собственной и национальной идентичностей? Кризисное состояние современного общества актуализирует поиск ответов на эти вопросы. Дополнительную актуальность изучаемой теме, в случае успешного ее развития, придадут новые теоретические горизонты в области выявления определяющих значений национальной идентичности в изменяющихся обществах. Детрадиционализация образа жизни современного общества превращает его в общество вариативной идентичности, когда выбор делается не под влиянием внешних причин, но под воздействием внутреннего целеполагания.

Задачей исследования является описание зависимости теоретического осмысления национальной идентичности от особенностей объяснения эффектов современности в условиях дихотомии «свои – чужие».

Научная новизна работы заключается в описании модели целенаправленного формирования национальной идентичности в условиях изменяющегося общества.

В практическом отношении исследование демонстрирует, как может трансформироваться национальная идентичность в условиях состязания или множественного повествования событий.

Методологически определенная аналитическая процедура позволяет рассматривать любого человека как часть социальной группы, называемой здесь частью общественно-исторической общности. Среди наиболее

заметных таких общностей можно выделить классовые, национальные, профессиональные и иные социальные группы, которые выступают как объекты коллективного целеполагания. Противоречия и конфликты, рождаемые сосуществованием различных типов социальности, привели к гетерогенности и массовизации дискурса об идентичности, превратив последнюю в инструменты политического, идеологического и социально-технологического воздействия элит на массовое сознание. Противоречивое сосуществование разных форм обретения идентичности усугубляется внешними факторами: глобализацией, миграцией, индивидуализацией, выходом на первый план идеалов и ценностей потребления и его доминирования над всеми остальными формами жизни, такими, как гармония, реализация, творчество [13].

Изменения, происходящие в центрах информирования и способах влияния на формирование идентичности, приводят к давлению на национальную идентичность и сложности ее отстаивания. В век виртуальной реальности можно наблюдать симуляцию действительности. Демонстративное проявление национальной идентичности приводит к значимому отсутствию смысла там, где он должен быть. Несмотря на предпринимаемые усилия по максимизации общеевропейской идентичности, в том числе и университетских преподавателей, профессоров и студентов, была проведена реформа высшего образования, предполагавшая радикальное изменение его целеполагания, структуры и содержания. В статье В. И. Пржиленского упоминается, что главной целью Болонского процесса официально провозглашалось формирование у студентов общеевропейской идентичности [9, с. 61].

Для реализации данной модели была выстроена четкая иерархическая структура национальных государств, входящих в Евросоюз. Нормативное сознание граждан было сориентировано на развитие общеевропейской идентичности как одного из интеграционных факторов. Всякое проявление индивидуально-субъективного суждения носило черно-белый характер. Осмысление бытия выстраивалось через общение и европоцентристское сознание понимания и взаимодополнительности смыслов и взглядов на себя. «С целью укрепления такого объединения, – пишет Е. В. Хахалкина, – неоднократно на протяжении существования Сообществ/Союза выдвигались идеи о необходимости формирования общеевропейской идентичности. Однако насыщение ее конкретными компонентами в связи с подготовкой проекта Евроконституции в начале 2000-х гг. показало, что в ряде случаев попытки “сплотить” оборачивались упрочнением национальной в противовес общеевропейской идентичности» [12, с. 49].

В результате упрочнения общеевропейской идентичности стали проявляться векторные признаки статусного неравенства: одним культурам принадлежало право задавать вопросы и определять разные формы общения, а в отношении других демонстрировалось принижение. Идеологи Евросоюза нацеливались на эмблематическое представление информации. Одни и те же качества и поступки личности вызывают полярно противоположную оценку со стороны тех, кто ассоциирует себя с конкретным человеком, и тех, кто осуждает его.

Количественно увеличившиеся за последние годы миграционные процессы вне рамок выяснения причин, их породивших, приводят к формированию дихотомии «свой – чужой», реже образа «врага». Актуальная сегодня архетипическая дихотомия подразумевает уточнение «чужих» как представляющих опасность и /или вызывающих неподдельный интерес. «Чужой» значимо отличается от своих и не должен с ними смешиваться. В случае последовательного соблюдения предписанных и неписанных норм «чужой» становится объектом изучения и повышенного интереса.

Системообразующим признаком идеологии «враг» является наличие угрозы для доминантной группы населения, с которой не идентифицирует себя индивид. В случае проявления какой-либо агрессии чужой становится «врагом». Конструирование образа врага предполагает его дегуманизацию и необходимость укрепления национальной идентичности для беспощадной борьбы с врагом и уверенности в победе.

В процессе исторической реконструкции этапов или стадий общественного развития сущность идентичности претерпевала различные изменения. Так, в ходе рассмотрения процессов и структур в традиционном обществе основной формой идентичности является предписанная идентичность, не порождающая у ее носителей сомнений или желаний с нею расстаться. Новое время, принесшее первые общества нового типа – общества модерна, – способствовало усложнению форм самоидентификации. Идентичность превращается в инструмент проведения национальной политики, в том числе и интеграции и даже ассимиляции жителей в национальном государстве. Социальные институты образования, церкви и государства становятся эффективными средствами формирования идентичности. Современные общества, называемые постмодернистскими, могут быть отнесены к гибридным обществам: в них причудливо смешиваются индивиды, одновременно пребывающие в разных социально-исторических эпохах. Здесь вопросы обретения идентичности могут обсуждаться и в терминах предписания, и в терминах формирования, и в терминах игры или случайности.

Э. Эриксон характеризует социальную идентичность в качестве результата индивидуальной самокатегоризации собственного «Я» в рамках существующих социальных групп, где отдельному индивиду приписывается социальная идентичность. При этом каждый индивид волен выйти за пределы наличного социального [16, с. 253].

Несколько иного мнения придерживается М. Синирелла. В основе построения социальной идентичности он рассматривает коммуникативные нормы как совокупность индивидуальных или групповых представлений о прошлом и будущем. Я-идентичность М. Синирелла рассматривает как переменную составляющую, зависящую от планируемого и реально достигнутого. Параметризация коммуникативной нормы может быть построена на разных основаниях [19, р. 231]. В условиях незнания языка мажоритарной группы особую роль играет тональность общения. Данный критерий прагмалингвистики может стать основополагающим признаком прескрипций и повлиять на сущностную сторону дихотомии. В случае поддержания положительных образов прошлого в будущем ин-группы допустимо существование социальной идентичности.

Дж. Мид отмечает, что впервые ребенок приобретает идентичность неосознанно, в процессе игры и подражая наиболее значимым для него представителям общества. Идентифицируя себя со значимым другим, ребенок формирует собственную идентичность [7, с. 117].

Что касается национальной идентичности, то ее логико-философские основания детально изучены в трудах Л. Н. Гумилева [4], Б. Андерсона [2], А. Г. Здравомыслова [6], С. В. Соколовского [10], А. Коэн [17], Д. Хоровитц [18]. Параметризация национальной идентичности может быть построена на разных основаниях. С позиций примордиализма объективными характеристиками являются общность территории, языка и религии. С позиций конструктивизма – дискурсивная природа сознательных усилий тождественности индивида. В ином ключе характеристики национальной идентичности анализируют с позиций инструментализма, выделяя политическую мобилизацию коллектива, общности для достижения конкретных целей.

Резюмируя научные изыскания исследователей, можно прийти к выводу, что каждый индивид должен осознавать в полной мере ту степень ответственности, которую он несет, относя себя к той или иной нации. Национальную идентичность должно определять как наличие некой священной Идеи как национальной субстанции. В нее, в эту идею, и должны быть включены основные духовные потребности человека. В момент распространения или навязывания своей священной Идеи начинает развиваться дихотомия «свои – чужие», которая логически представляет опасность или вызывает неподдельный интерес. Причины возникновения напряженности или вражды к «чужим» могут быть объяснены с позиций социологии желанием укрепить властные структуры, с позиций биологии – неизбежной борьбой за существование в животном мире, с позиции психологии – подсознательным стремлением найти «крайнего» собственных неудач.

Определение степени собственного благополучия складывается из таких элементов, как благоденствие, процветание, преуспевание, успех. Причем последнее является скорее условием для достижения благополучия, тогда как все остальные составляющие могут быть отнесены к деловой, профессиональной стороне каждого отдельно взятого индивидуума. Благополучие сегодня пронизывает всю повседневную жизнь человека, оно осязаемо и конкретно, оно включено в новую матрицу собственной идентичности. При этом благополучие подчас противопоставляется высшим ценностям. Концепт БЛАГОПОЛУЧИЕ входит и в содержательные идентифицирующие характеристики индивида.

Основой национальной идентичности могут быть разные основания. Традиционно выделяют три важнейшие характеристики нации, восходящие к далекому прошлому: единство языка, территории и культуры. В ином ключе эти характеристики работают в нестандартных ситуациях. В XIX веке на территории Российской империи оказалось весьма значительное количество добровольных и вынужденных переселенцев из Германии, Польши, Шотландии и других европейских государств. Данные переписи 1897 года демонстрируют, что все они настойчиво пытались сохранить принадлежность к собственной нации [8, т. 62, с. 96-97, т. 65, с. 98-99, т. 68, с. 100-102]. Но в таком случае уместен вопрос: какая из вышеупомянутых характеристик нации оказывает определяющую роль сохранения национальной идентичности в условиях существования ин-группы.

Так, например, ссыльные переселенцы из Польши, оказавшиеся на Северном Кавказе, еще в 1897 году в рамках Всеобщей переписи населения записывали своих детей, которые родились уже на территории Российской империи и свободно изъяснялись на языке мажоритарной группы как польские выходцы, исключительно опираясь на родство по крови. В процессе ассимиляции члены диаспоры вынужденно или добровольно осваивали стиль жизни доминантной группы. В результате данного процесса происходила консервация сущностного основания национальной идентичности [14]. В данном случае можно говорить о национальной идентичности диаспоры как условия самосохранения нации. В описываемых условиях обращают на себя внимание социальные образования, по самой своей сути состоящие из людей, прежде всего осознающих себя принадлежащими другой стране. Иначе можно говорить о процессе креолизации. Данный термин упоминается в трудах С. Аконова, развивающего идеи норвежского антрополога Т. Эриксона [1, с. 82-88; 16].

В условиях креолизации происходит приобщение к доминантной группе при частичном влиянии на нее. На пути к конечному этапу ассимиляции миноритарная группа проходит и другие стадии инкорпорации, такие, например, как аккультурация и адаптация. Польские переселенцы XIX века на Северном Кавказе настойчиво причисляли себя и своих детей к сформированной польской диаспоре под названием Полония. Переселенцами проводилась работа по созданию католического храма, созданию школ с преподаванием на польском языке, бережному сохранению всех культурных традиций государства, к которому они себя причисляли, – все это и многое другое демонстрировало желание сохранить принадлежность к польской нации, т.е. национальную идентичность [15, с. 103-105]. Принудительное присутствие польских выходцев на территории Северного Кавказа и других регионов Империи способствовало самосохранению всех отличительных черт миноритарной группы и сохранению отдельных характеристик их национальной идентичности, что, в свою очередь, способствовало созданию образа «чужой».

Можем ли мы такую характеристику, как «религия», отдельно рассматривать в качестве самостоятельного, основополагающего критерия национальной идентичности? На примере адаптации польских переселенцев мы можем видеть, насколько трепетно и бережно они относились ко всем элементам исповедуемой ими религии, насколько прислушивались к проповедям ксендзов в созданных на благотворительные взносы католических храмах.

Какая роль может быть отведена языку? Внутри польской диаспоры наблюдалась приверженность коммуникативным нормам как стандарту общения: соблюдение принятого в определенном обществе коммуникативного поведения, сохранение языковых и жанрово-ситуативных норм. М. Хайдеггер придерживался той позиции, что материал для самосознания находится в языке, поскольку наша сущность обособилась в язык [11, с. 32].

Достаточно быстрое овладение языком доминантной группы, знание и соблюдение законодательных норм Империи, стремление понять обычаи и традиции территории проживания, принятие отличий религиозных, способность к рефлексии позволили им идентифицировать себя в обществе и не стать объектом манипуляции. Они должны были превзойти себя, чтобы сохранить способность к национальной идентичности и самоидентичности.

Несмотря на то, что графа «национальность» была внесена в опросный лист Всесоюзной переписи населения в 1926 году, еще царское правительство задумывалось о национальном составе населения для выработки национальной политики.

Таким образом, структура национальной идентичности динамична и меняется в зависимости от того, как изменяется процентное соотношение ее элементов. В процессе исторической эволюции сами ссыльные настолько консервировали присущие польской идентичности элементы, что это усилило различия и произвело на свет новые элементы. В данном смысле вызывает интерес высказывание П. Бурдые «регион создается не пространством, а временем и историей» [3, с. 60].

В настоящее время содержание термина «национальная идентичность» соотносится с другой категорией – «гражданство». Ю. Зарецкий выделяет признаки, по которым термины могут быть отождествлены [5]. Когда мы соотносим себя с принадлежностью к какому-либо государству, мы не исключаем возможность отнесения себя к той или иной нации по зову крови. Многонациональное население Северного Кавказа не отрицает факт принадлежности к российской государственности, но каждый представитель своей нации будет отстаивать право быть причисленным к ней. С распадом СССР именно категория национальной идентичности оказалась одной из самых незащищенных, произошло гипостазирование термина.

Таким образом, национальная идентичность – это абстрактная тотальность формирования национальных общностей, которая внутри себя уже имеет двойственное начало. Идентичность создается или обретается ценностями. В условиях тотального отрицания ценностей, свойственного постмодернистскому восприятию, происходит аннигиляция идентифицирующих свойств человека. Наблюдаемые в последние два десятилетия в России реверсивные процессы в области идеологии являются тревожным свидетельством кризиса, угрожающего современной российской цивилизации. Но общество как самоорганизующаяся социальная система вырабатывает механизмы самосохранения, нередко оказываясь в плену идеологического давления со стороны власти или коммуникантов. Построение нового социального мира, преимущественно виртуального, не учитывает иерархию потребностей отдельного человека, а значит и его иерархию ценностей. При этом следует учитывать, что иерархия ценностей не является универсальной: она может варьироваться для одного и того же человека в разные возрастные периоды, выражаться в различных ситуативных реакциях. Иерархия различна для отдельных социальных групп и этносов. В соответствии с социологическими законами и особенностями социализации пожилых людей, резкая смена идентичности может быть расценена ими как утрата надежды на успешное освоение новых социальных порядков. Переосмысление прежних ценностных ориентиров и создание новых приводит к появлению новых примеров для подражания, иногда доходящих до познавательного абсурда.

Так, после отказа от дореволюционной «романовской» версии истории государства российского героизации подверглись те, чья деятельность оценивалась прежде однозначно негативно. Участники крестьянских восстаний, террористы, иные персонажи, осуществлявшие противозаконную и противоправную деятельность, становятся героями в революционной традиции. Но затем, когда история должна служить основанием для легитимации нового социального порядка, новых структур и институтов, декриминализация этих персонажей происходит постепенно и малозаметно. И вот уже спустя всего одно или два десятилетия Степан Разин и Емельян Пугачев оказались рядом с Александром Невским и Петром Первым, а наследники Петра, императоры вплоть до Николая Второго, заняли в советской историографии совершенно иные места, олицетворяя самодержавие, свержение которого превратилось в смысл и назначение всей дореволюционной истории.

Вполне очевидно, что у разных народов могли быть разные оценки одних и тех же исторических свершений, но не вызывает сомнений тот факт, что обретение национальной идентичности возможно на основе осмысления определенных свойств, сохранившихся в коллективной памяти народов. Мнимое благополучие приводит к мысли, что ты все предусмотрел и ничего плохого произойти не может. Аспект мировосприятия неожиданным образом меняется, когда «чужими» совершаются какие-либо противоправные действия. Это диссонирует с внутренним мироощущением человека. Знания о действительности расходятся с воображаемыми образами. Причем у одних насильственные действия против человека вызывают осуждение, у других же выражаются в высокой степени фасциативности. Значимо и то, как интерпретируется то или иное историческое событие, историческое знание. Фальсификация исторических событий во имя собственного величия приводит к неприятию очевидной реальности. Символическое понимание событий приводит к свободной интерпретации и выстраиванию новой системы ценностных координат, которая ложится в основу национальной идентичности. Перед нами намеренное замещение одних объектов другими. Встает вопрос о создании иной организации бытия, иного мира, который сосуществует с нашим миром «своих». Предельная приспособляемость «чужих», возможность наблюдать за нами, за нашим суетливым существованием, приводит к мысли о наличии многомерных аллюзий и смысловых расплатах за утрату памяти о подвиге.

Концептуализация социального неравенства является индикатором идеологических приоритетов, превосходства возможностей и способностей одних над другими. Огромный пресуппозиционный фон европейских установок, мнений и поведенческих стереотипов направлен на снижение самосознания россиян.

Не составляет труда догадаться, кому именно выгодно подобное творчество. Но сам ход рассуждения весьма любопытен, потому что направлен на изменение представлений о собственной идентичности.

Эмблематическое представление чужого представляет собой упрощенный эмоционально переживаемый образ носителя иных ценностей, отличных от определенной социальной группы. Специфическое отношение к чужому обусловлено ценностями повседневной мирной жизни. Обретение идентичности напрямую связано с общественными ценностями.

Таким образом, несмотря на двойственный характер идентичности, она также может изменяться, она может стать реакцией на вызовы и угрозы современного мира. Сущностная сторона идентичности, в том числе и национальной идентичности, может претерпевать изменения достаточно часто. На наш взгляд, это происходит потому, что для многих людей национальная идентичность сегодня становится случайной, а потому безразличной. В последнее время значение идентичности определяют три базисные потребности человека: принадлежность к сообществу, позитивная самооценка, комфорт. В условиях выбора «свои – чужие» происходит примитивизация понятия национальной идентичности: сокращается или ограничивается доля понятийного и оценочного содержания концепта, при этом сам идентифицирующий образ становится размытым. В специфических условиях дихотомии «свои – чужие» происходит выхолащивание доли рационального восприятия действительности и концентрация либо восторженной, либо нетерпимой оценки какого-либо явления или представителей «чужих». В результате исчезает возможность многоаспектной оценки и рационального отстаивания присущего конкретной человеческой особи накопленного опыта, заключенного в самосознании и самоосознании. Поэтому на первом месте сегодня должна стоять задача выявления значений, определяющих наличие национальной идентичности и, в случае изменения условий существования ее носителей, прогнозирования возможных изменений значений в системе декартовых координат.

Список источников

1. **Акопов С., Розанова М.** Идентичность в эпоху глобальных миграций. СПб.: Деан, 2010. 272 с.
2. **Андерсон Б.** Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
3. **Бурдые П.** Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» // *Ab Imperio*. 2002. № 3. С. 45-61.
4. **Гумилев Л. Н.** Этногенез и биосфера Земли. СПб.: Кристалл, 2001. 640 с.
5. **Зарецкий Ю.** История, память, национальная идентичность [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/3/za4.html> (дата обращения: 22.08.2018).
6. **Здравомыслов А. Г.** Этнополитические процессы и динамика национального самосознания россиян // *Социологические исследования*. 1996. № 12. С. 23-25.
7. **Мид Дж.** От жеста к символу // *Американская социологическая мысль* / под ред. В. И. Добренкова. М.: МГУ, 1994. С. 116-121.
8. **Первая всеобщая перепись населения Российской империи за 1897 г.**: в 89-ти т. / под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд-во Центрального статистического комитета МВД, 1905. Т. 62. 230 с.; Т. 65. 284 с.; Т. 68. 262 с.
9. **Пржиленский В. И.** Современная философия. Интеллектуальные технологии XXI века. М.: Проспект, 2017. 336 с.
10. **Соколовский С. В.** Современный этногенез или политика идентичности? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academia.edu/2189928/> (дата обращения: 11.07.2018).
11. **Хайдеггер М.** Торжество и различие. М.: Логос, 1998. 64 с.
12. **Хахалкина Е. В.** Европейский Союз, Великобритания и проблемы общеевропейской идентичности // *Сибирские исторические исследования*. 2014. № 1. С. 41-53.
13. **Цифанова И. В.** Материальное и духовное в поисках идентичности: социально-философский анализ // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2017. № 10 (84). Ч. 2. С. 187-191.
14. **Цифанова И. В.** Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: монография. Ставрополь: Мир данных, 2007. 163 с.
15. **Цифанова И. В.** Языковая аккультурация польских переселенцев в северокавказское общество в XIX веке // *KANT*. 2014. № 4 (13). С. 100-105.
16. **Эрикссон Э.** Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996. 344 с.
17. **Cohen A.** Introduction: The Lesson of Ethnicity // *Urban Ethnicity* / ed. by A. Cohen. L., 1974. P. 12-15.
18. **Horowitz D.** *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press, 1985. 707 p.
19. **Sinirella M.** Exploring Temporal Aspects of Social Identity: The Concept of Possible Social Identities // *European Journal of Social Psychology*. 1998. Vol. 28. № 2. P. 227-248.

IDENTITY ACQUISITION IN THE CONTEXT OF “ONE’S OWN PEOPLE – FOREIGNERS” DICHOTOMY

Tsifanova Irina Vladimirovna, Ph. D. in History
Stavropol State Pedagogical Institute
tsifanova@yandex.ru

The article is devoted to the peculiarities of identity acquisition in the conditions of “one’s own people – foreigners” choice. The content side of national identity is analysed at different stages of social development, the ideologeme “enemy” is correlated with the notion “foreigners”. In the modern multidimensional world, primitivization of the notion “national identity” and its dual principles are demonstrated actively. The results of the analysis can be used in evaluating identity under the conditions of the in-group existence, determining the methods of influencing national identity formation, which allows tracing the tendencies to acquire identity at present.

Key words and phrases: national identity; diaspora’s identity; foreigner; enemy; creolization; historical knowledge.